

А. Ф. Литвина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Ф. Б. Успенский

Институт славяноведения РАН,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

МАНИФЕСТАЦИЯ СВЯЗИ С ПРАВЯЩИМ ДОМОМ В ЖЕНСКИХ ИМЕНАХ: РАННИЕ РОМАНОВЫ И СЕМЬЯ ДМИТРИЯ ГОДУНОВА¹

В работе демонстрируется, каким образом в XVI — первой половине XVII в. выбор имени для женщины мог транслировать связь ее семьи с правящей династией в прошлом и настоящем. Причастность к власти могла воплощаться не только в том, как девочку нарекали при рождении, но и в перемене имени при замужестве и/или в монашеском постриге. Особое внимание уделяется семейной ситуации Дмитрия Ивановича Годунова, дяди царицы Ирины и царя Бориса, одного из самых влиятельных людей своего времени. Семья Дмитрия Ивановича прославлена, в частности, богатейшими вкладами образчиков художественного шитья, причем традиционно предполагается, что руководила мастерскими, где изготавливались эти драгоценные предметы, жена хозяина дома. Однако представления о том, как была устроена матримониальная жизнь Д. Годунова, до сих пор оставались весьма запутанными и противоречивыми, а соответственно, невозможной была и надежная атрибуция памятников, вышедших из его дома. Настоящая работа призвана восполнить эту лакуну.

Ключевые слова: имянаречение в допетровской Руси, культ святых, изменение имени в монашеском постриге, семья Дмитрия Ивановича Годунова, вклады и кормовое поминовение, светская христианская двуименность

Наречение женским именем в средневековой Руси — процесс в целом куда более загадочный и хуже изученный, чем выбор имен мужских. Самой простой и очевидной причиной такой загадочности является существенная неполнота упоминаний о женских именах в древнерусских текстах, в особенности ранних, так или иначе отражающих реалии домонгольского времени. Существенно, однако, что и данные о более позднем периоде, уже далеко не столь скудные, отнюдь не всегда складываются в однозначную и понятную картину. Как были устроены в XV—XVII в. родовые предпочтения при выборе имени для девочки? В каких случаях женщина могла получить новое имя при замужестве и что происходило с прежним ее именем? Насколько светская христианская двуименность у женщин была, так сказать, симметрична по отношению к двуименности мужской? Всегда ли подбор монашеского имени для женщин был устроен так же, как и для мужчин? Можно сказать, что сегодня мы находимся лишь на подступах к сколько-нибудь окончательному ответу на все эти вопросы.

Особое место в их разрешении занимает, разумеется, исследование женского имянаречения в правящей династии. При этом в настоящей работе нас будут интересовать не княжны или царевны, принадлежащие к правящему дому по рождению, но женщины, соприкоснувшиеся с ним — непосредственно или опосредованно — благодаря браку. В XVI в. матримониальный союз с династом становился для всей семьи державной избранницы чем-то вроде сверхскоростного социального лифта, мгновенно приобщавшего ее родню к самым различным институтам власти. Со временем же это приобщение могло стать еще более тесным и надежным, коль скоро брак увенчивался рождением наследника и недавние свойственники великого князя или царя превращались в кровных родственников будущего правителя.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

Имя царской невесты становилось в такой ситуации неким символом процветания ее родной семьи. При этом последовавший в конце XVI столетия закат династии Рюриковичей внезапно привел к большому повышению статуса старых матримониальных связей с уходящим царским родом, что также запечатлевалось в женском имянарекении довольно нетривиальным образом. Начнем, однако, с антропонимического казуса той поры, когда ничто напрямую не предвещало скорый конец преемственности власти Рюриковичей по прямой линии.

Антропонимическое эхо замужества Анастасии Романовой

Необычный выбор иноческого имени. Первая жена Ивана Грозного происходила, как известно, из рода Захарьиных-Юрьевых, будучи дочерью Романа Юрьевича. Она звалась *Анастасией*. Какую же роль сыграло это имя в последующей антропонимической стратегии ее семьи? Обратим внимание сперва на те результаты, которые последовали первыми.

Брак Анастасии Романовны с великим князем Иваном Васильевичем привел к естественному возвышению ее ближайших родственников, не в последнюю очередь родных братьев и матери. Казалось бы, однако, что благодарный отклик в выборе имени мог быть замечен только в следующем поколении семьи, условно говоря, в имянарекении племянниц. На самом же деле, мы неожиданным образом наблюдаем его и в поколении старшем — мать царицы, Ульяния Федоровна, которой суждено было на многие годы ее пережить, принимает постриг с именем *Анастасия* и тем самым становится в иночестве тезкой своей покойной дочери.

Чтобы оценить символическую значимость подобного шага, необходимо учитывать, что ко второй половине XVI столетия на Руси прочно установился обычай подбирать монашеское имя по созвучию с именем крестильным. В большинстве случаев прежнее и новое имя попросту должны были начинаться с одной и той же буквы — *Анисия* становилась, к примеру, *Анной*, *Евдокия* — *Евфросинией*, *Гликерия* — *Геласией*, а *Мария* — *Марфой*. Семейные родовые имена не всегда оставались при таком способе монашеского имянаречения в полном забвении, однако чаще всего они учитывались лишь в той мере, в какой соответствовали только что изложенному принципу подбора иноческого имени. Так, дьяк Елеазар Цыплятев в монашестве сделался *Евфимием*, *Евфимием* же при постриге стал и его родной сын, Иван/Елевферий Цыплятев [Литвина, Успенский, 2018а]. Как нетрудно убедиться, подчеркивая родственную связь, никто не пренебрег здесь правилом созвучия — и у отца, и у сына монашеское имя начинается на ту же букву, что и имя крестильное, но при этом из множества подходящих имен сыну было выбрано то, что носил его отец, и именно таким образом в иночестве они сделались тезками.

Еще эффектнее и ближе к антропонимическому казусу Романовых устроен был, например, выбор монашеского имени у Федора/Конона Апраксина, жившего в первой половине XVII столетия. Его сын, звавшийся *Корнилием*, умер при жизни отца, подобно тому, как царица Анастасия скончалась при жизни матери. Позднее, принимая постриг, Федор/Конон взял себе светское имя своего сына и сделался иноком Корнилием [Литвина, Успенский, 2018б, с. 270—274]. Однако имя это по букве совершенно подходило к крестильному имени Апраксина-отца — *Конон*, следование семейному предпочтению и в данном случае не нарушало общепринятой традиции выбора монашеских имен.

Наречение же Ульянии Федоровны решительно от этой традиции отступало, что демонстрирует крайне высокую заинтересованность в сохранении имени первой царицы — ни одна из возможных форм ее имени *Иулиания* с именем *Анастасия* совершенно не созвучна, а никакими данными о том, что теща Грозного была двуименной в миру, мы не располагаем.

Перемена имени у царской невесты. Даже и в пору пострижения Ульянии Федоровны, по-видимому, невозможно было прогнозировать, сколь важный и неожиданный статус приобретет имя ее дочери приблизительно четыре десятилетия спустя. Михаил Федорович, первый царь из рода Романовых, задумал жениться на представительнице семьи Хлоповых. Царская невеста звалась *Марией* — именем, казалось бы, полностью подходящим для придворной жизни вообще и для будущей царицы в частности. Весьма показательны, что это имя было избрано при крещении для второй жены Грозного, Марии Темрюковны, его носила и Мария Нагая, мать царевича Дмитрия. Уже в XVII столетии оно стало своеобразным тронным именем для супруги царя Василия Шуйского — характерно, что в описаниях, связанных с церемонией ее свадьбы и восшествием на царский престол, источники приводят почти фольклорную формулировку «в девицах имя ѿ Катерина, а в царицах имя Марья»². *Марией*, как известно, была и жена Бориса Годунова, царица Мария Григорьевна, одна из дочерей Малюты/Григория Скуратова.

О том, сколь охотно это имя давалось в качестве публичного или единственного (то есть крестильного и публичного одновременно), свидетельствует, к примеру, знаменитый местнический спор Лыковых и Пожарских, начавшийся с того, что две княгини Марии оспаривали место при царице Марии: Мария Пожарская (в крещении *Евфросиния*) сетовала на то, что ее обошли и приставили к царевне Ксении Годуновой, тогда как ее соперницу, Марию Лыкову (в крещении *Евфимию*), — к царице Марии Григорьевне³.

Такое бросающееся в глаза скопление Марий не только не смущало нарекающих, но, напротив, скорее подталкивало их к тому, чтобы давать это сверхпрестижное и архипопулярное имя все новым и новым представительницам знатных родов. Однако царская семья, в которую должна была войти Мария Хлопова, почла за лучшее его переменить — как известно, Мария становится *Анастасией*, причем это происходит именно в ту пору, когда она приобретает весьма своеобразный статус официальной царской невесты и начинает именоваться *царицей*, а согласно некоторым источникам, *царевной*. Все это случается еще до брака с царем, которому так и не суждено было состояться: «...а нарекли ее Царицею, а имя ей дали Настасья»⁴.

Замечательным образом, после того, как Мария/Анастасия Хлопова была отослана с царского двора, в официальных документах она может именоваться то одним, то другим именем. Судя по всему, использование или неиспользование имени *Анастасия* зависит от перспективы автора текста и от некоторых колебаний в планах царской семьи, когда Хлопова признавалась то больной, то здоровой, то подходящей для брака с царем, то непригодной для него. Так, если в следственном деле о ее здоровье Хлопова преимущественно фигурирует как *Мария (Марья)*⁵, то есть под своим, так сказать, девичьим именем, то в грамоте о переводе ее из Сибири в Нижний Новгород (конец декабря 1620 г.), написанной от лица самого царя, она последовательно именуется *Настасьей*, а имя *Мария* не упомянуто вовсе⁶.

Иными словами, употребление имени *Анастасия* прочно увязывается с возможностью приобретения царского статуса. Причина такой устойчивой ассоциации для рода Романовых — достаточно очевидна, как отмечал целый ряд наших предшественников, тронное имя Хлоповой было дано в честь Анастасии Романовой.

² Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 175, 249.

³ Иванов П. И. Дела по местничеству // Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей Российских. М., 1838. Т. II/1–4. С. 271, 272, № X. Ср.: Муханов П. А. Сборник [документов по русской истории] Муханова. М., 1836. С. 150, № 93.

⁴ СГГД. Ч. III. С. 231, № 63; ср.: Шишонко В. Пермская летопись с 1263–1881 г.: Второй период с 1613–1645. Пермь, 1882. С. 68; [Забелин, с. 221, 232].

⁵ СГГД. Ч. III. С. 257–266, № 63.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. III. С. 89–90, № 91.

Вообще говоря, в династической практике Средневековья случаи, когда женщине или даже мужчине при вступлении в брак дается одно из семейных имен, принятое в правящем роду, к которому она/он отныне приобщается, отнюдь не редкость⁷, однако казус Марии Хлоповой занимает в этой истории переименований особое место — Анастасия не была для ее жениха, так сказать, прямой прародительницей, их родство, в сущности, можно охарактеризовать как довольно отдаленное, поскольку царица Анастасия приходилась Михаилу Федоровичу лишь двоюродной бабкой. Однако именно благодаря родству с ней властные притязания Романовых приобретали хотя бы толику той кровной легитимности, которая на протяжении долгого времени считалась на Руси необходимым и достаточным условием для наследования власти.

Все шесть с лишним столетий правления Рюриковичей, когда власть передавалась по прямой мужской линии, родство через женщин учитывалось минимально, если вообще принималось во внимание. Однако династический кризис рубежа XVI—XVII в. поневоле заставил прибегать и к актуализации этих второстепенных родовых связей, поскольку они оставались тем немногим, что позволяло объединить старые представления о преемственности с неизбежными нововведениями. Дед Михаила Федоровича все-таки был не кем иным, как царским шурином, а его отец — двоюродным братом последнего законного представителя московского дома Рюриковичей. Имя Анастасия символизировало эту связь по браку, перешедшую в кровное родство с царским домом.

Семья боярина Дмитрия Ивановича Годунова

Три инокини Александры. Такой символизм в языке имен, по-видимому, был вполне характерен для интересующего нас рубежа двух эпох, во всяком случае, он был не чужд семье еще одного царского шурина — Бориса Годунова. Поскольку здесь речь пойдет о наречении монашескими именами в память о прославленных родственниках, а подобные сюжеты несравненно реже привлекали внимание исследователей, чем, скажем, рассказ о переименовании царской невесты Хлоповой, то их изложение потребует распутывания нескольких сложных ономастических и генеалогических узлов, которые сами по себе весьма интересны и характерны для истории женского имянаречения в ту эпоху.

Как известно, Борис и Ирина Годуновы с довольно раннего времени жили в семье своего дяди, Дмитрия Ивановича Годунова, сделавшего чрезвычайно успешную карьеру при дворе — именно ему, в сущности, племянники и были обязаны возможностью попасть в царское окружение. С другой стороны, не менее известно, сколь необычайно щедрым (даже по меркам той эпохи) вкладчиком был Дмитрий Иванович Годунов и сколь тщательное внимание он проявлял, например, к благочестивому прославлению небесных покровителей своей племянницы Ирины и ее мужа, царя Федора, не говоря уже о патроне взошедшего на престол племянника — Бориса Годунова. В сущности, семья дяди, Дмитрия Годунова, и оказалась в конце концов теми старшими родичами, которым удалось воспользоваться пресловутым социальным лифтом — им досталось то, что обычно достается родителям, приобщающимся к царской власти благодаря своим детям. Поскольку приобщение это началось с брака Ирины Федоровны, то оно могло тем или иным образом запечатлеться именно в женском имянаречении. Попробуем продемонстрировать, что речь при этом шла не столько о младших, сколько о старших членах семьи.

Как мы помним, имя Анастасии — царицы из рода Романовых — отразилось в выборе монашеского имени для ее матери. Ирина же, отчасти сходным образом, оказалась связана по иноческому имени со своими тетками, или, говоря точнее, с женами своего дяди. В известном смысле это и не удивительно: коль скоро Дмитрий Иванович в определенный момент замещал Бориса и Ирине отца, то роль матери хотя бы в какой-то степени не могла не переноситься на

⁷ Некоторые, более ранние, примеры такого наречения обсуждаются в работе: [Литвина, Успенский, 2013, с. 15–16].

его супругу. При этом антропонимическая связь с царственной племянницей, парадоксальным образом, устроена яснее, чем история браков Дмитрия Годунова как таковая — если существование первой не вызывает сомнений, то вторая нуждается в разъяснении и уточнении.

В самом деле, мы уверенно можем сказать, что умершая 5 декабря 1588 г.⁸ жена Дмитрия Годунова в крещении была *Агриппиной* (*Аграфеной*), а при пострижении, в соответствии с обычной практикой, приняла имя, начинающееся на ту же букву, и сделалась *Александрой*: «Въ лѣто 7097-мъ (1589 — sic! должно быть 7096/1588. — А. Л., Ф. У.) году декабря въ 7 день былъ государевъ бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ въ Ипатцкомъ монастыре похоронять семьи своеи Агрипены иноки Александры привезъ Дмитрей Ивановичъ окладныхъ и складныхъ 86 образовъ, у нихъ было золотыхъ 48, да серебряницъ 8»⁹.

Быть может, это обстоятельство так или иначе повлияет впоследствии на выбор монашеского имени для самой царицы Ирины Федоровны, когда та, через некоторое время после смерти мужа, примет постриг в Новодевичьем монастыре и также сделается в иночестве *Александрой*. Утверждать это наверняка достаточно затруднительно: поскольку имя *Ирина* на Руси часто фигурировало в форме *Арина* или *Орина*, то иноческое *Александра* (*Олександра*) подходило для его обладательницы в любом случае, и без дополнительной мотивации¹⁰. Агриппина Годунова и царица Ирина были постриженицами разных монастырей, и нам трудно судить о том, насколько значима для Ирины была память о давно скончавшейся тетке, из дома которой она выходила замуж за царевича.

Куда более наглядна целенаправленность другой линии ономастической связи — еще одна жена Дмитрия Годунова, которая значительно пережила и своего мужа, и свою царственную племянницу, и была в 20-е годы XVII в. монахиней в том же Новодевичьем монастыре, где принимала постриг овдовевшая царица, в иночестве также сделалась *Александрой*. В миру эта супруга Годунова была известна как *Стефанида*, о чем недвусмысленно свидетельствует, например, царская жалованная подтвердительная грамота, выданная 31 декабря 1621 г.: «Се аз, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец, пожаловал есмь Нового девичья монастыря старицу Александру, что была в мире боярина Дмитреева жена Ивановича Годунова <...> А в подлинном списку тое грамоты написано все имянно, что были те села и деревни и пустоши в вотчине за мужем ее за боярином за Дмитрием Ивановичем Годуновым, и мужа ее Дмитрея не стало, и во 114-м (1606) году те села и деревни и пустоши в записных вотчинных книгах записаны за вдовою за Стефанидою боярина за Дмитриевскою женою Ивановича Годунова. Что била нам челом Нового девичья монастыря старица Александра, что была в мире Стефанида, мужа де ее боярина

⁸ В работах С. Б. Веселовского ошибочно указывается 1598 г. [Веселовский, 1946, с. 78–79, примеч. 5; Веселовский, 1969, с. 185–186, примеч. 64].

⁹ Соколов М. И. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. М., 1890. С. 55. Соответствующие сведения есть и во Вкладной книге костромского Ипатьевского монастыря: «Лета 7096 (1588) декабря в 20 день дал государев боярин Дмитрий Иванович Годунов по своей семье Агрипене, по иноке Александре в дом живоначальные Троицы в Ыпатцкой монастырь Божие милосердие восемьдесят пять образов окладных, а у них сорок восемь золотых, да осмь серебряных» (Иоанн Павлухин. Сокровища Костромы: Из собрания церковно-археологического музея Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря и Костромского музея-заповедника. [Б. м.], 2013. С. 17. Примеч. 12, 20, ил.). Ср. также показания Кормовой книги костромского Ипатьевского монастыря, из которой мы узнаем дату кончины и дату именин Годуновой: «Да по Дмитриевой семье Ивановича по Агриппне, по иноке Александре, кормь кормить на ея преставление декабря въ 5 день, да другой кормь кормить на ея память июня въ 23 день» (цит. по рукописной копии С. Б. Веселовского: Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. № 163. С. 11. Л. 13 об.). Обратим внимание, что, хотя скончавшаяся супруга Дмитрия Годунова при постриге получила новое имя *Александра*, помянуть ее предписывалось на день святой, тезоименитой по прежнему, крестильному имени *Агриппина*, — 23 июня. Такова была общая практика: иноков и инокинь очень часто поминали по их крестильному, а не монашескому имени.

¹⁰ Так, *Александрой* сделалась при постриге княгиня Ирина Голицына, одна из дочерей Ивана Федоровича Мстиславского, семья которого соперничала с Годуновыми [Мятлев, с. 313, прилож. I; Алексеев, 2006, с. 32, 42, 88, 89]; ср.: [Алексеев, 2006, с. 12, 105, примеч. 77].

Дмитрея Ивановича купленная выменовная вотчина в Кашинском уезде село Пухлимское да село Богоявленское, Медведицкое тож <...> и нам бы ее, старицу Александру, пожаловать <...> И на те вотчины ей, старице Александре, ся наша царская жалованная грамота»¹¹.

Если судить по записи о вкладе в Колязин монастырь, этой инокине Александре суждено было еще довольно долго пользоваться царскими милостями — во всяком случае, в 1628 г. она была еще жива и располагала возможностью пожертвовать в монастырь довольно значительную сумму денег: «Во 136 (1628) году дала вкладу новодѣвичья монастыря старица Александра Дмитриевская жена Годунова пятьдесятъ рублей денегъ»¹². При этом весьма вероятно, что в начале 30-х годов XVII в. старицы Александры уже не стало, потому что вотчины в Кашинском уезде, упомянутые в царской грамоте, около 1631/1632 г. переходят к одному из родственников ее мужа, Матвееу Михайловичу Годунову [Павлов, с. 440].

Очевидно, что монашеское имя *Александра* никак не соответствует светскому имени *Стефанида*. Но прежде чем утверждать, что последней жене Годунова иноческое имя выбрали вопреки традиции, но зато в память о царственной племяннице, необходимо установить, не была ли Стефанида Годунова двуименной, не было ли у нее еще одного мирского христианского имени, которое подходило бы к монашескому *Александра*.

Ситуации такого рода, когда несоответствие мирского и иноческого имен оказывается мнимым, в это время весьма распространены — даже не выходя из круга уже упоминавшихся лиц, можно вспомнить, например, княгиню Лыкову, которая в актовом материале именуется *Марией*, но при постриге берет имя *Евфросиния*, поскольку в крещении была *Евфимией*, не говоря уже о дьяке Цыплятеве, подписавшем десятки и сотни документов как *Иван*, но сделавшемся в иночестве *Евфимием*, поскольку крещен он был *Елевферием*.

Однако, стремясь разобраться с именованьем супруги Годунова, исследователь сталкивается с проблемой, с одной стороны, неожиданной, а с другой — вполне «классической» для истории христианской двуименности. Дело в том, что после кончины Агриппины Годуновой в источниках, относящихся к семейной жизни боярина Дмитрия Ивановича, фигурируют два женских имени — *Стефанида* и *Матрона* (*Матрена*).

Стефанида и *Матрона* в источниках конца XVI — начала XVII в. *Стефанида*, помимо процитированной выше грамоты, есть, в частности, на трех артефактах. Два из них — это не что иное, как памятники лицевого шитья, являющие собой личные вклады жены Годунова. Надпись на одном, сударе с изображением «Богоматерь Воплощение», гласит: «...положила в до(м) хбу бгоавлении Стюванида Шндрѣвна по своей душѣ и по своихъ родителехъ в вѣчныи блгъ» [Маясова, 2004, с. 192–193, № 50; Маясова, 1984, с. 51]. Текст же на воздухе «Христос во гробе» чуть более пространен в том, что касается именованья вкладчицы: «положила в домъ с(вя)тому Б(о)гоявлению Дмитриевская жена Ивановича Годунова Стефанида Ондреевна по своей д(у)ше и по своихъ родителехъ в вечныи» ([Маясова, 1984, с. 51]; ср: [Маясова, 2004, с. 192])¹³. Оба предмета были даны Стефанидой Годуновой в Богоявленский Анастасьин костромской монастырь и, по мнению Н. А. Маясовой, представляли собой части единого комплекта [Маясова, 2004, с. 192–193].

Еще один артефакт — блюдо-лохань из аугсбургского серебра (Музеи Московского Кремля, инв. № МЗ-336) — несет на себе две надписи: на лицевой стороне сообщается, что это блюдо было вложено Дмитрием Ивановичем Годуновым в Ипатьевский костромской монастырь, тогда как на оборотной его стороне присутствует следующее свидетельство: «лохань

¹¹ Акты служилых землевладельцев XV–XVII века (далее — АСЗ). М., 2008. Т. IV. С. 438–439, № 527; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Мурому. № 746/33657. Л. 120–122, список 1663 г. Здесь и далее — разрядка наша.

¹² Иванов И. А. Кормовая книга Колязина монастыря. Тверь, 1892. С. 26.

¹³ Хранится в музее «Новый Иерусалим».

конюше(г)[о] боярина Дмитрея Ивановича Годунова о(т)да(л) жене моеи Стефани(де) О(н)дреевне»¹⁴. По клеймам изготовление блюда датируется 1599 г., так что оно никак не могло оказаться у супруги Годунова раньше этого времени. Отметим, кроме того, что на всех этих предметах, помимо имени *Стефанида*, фигурирует и отчество вкладчицы — *Андреевна*. Есть и еще по крайней мере один, сугубо письменный источник, где упомянута жена Годунова по имени *Стефанида*, но о нем мы скажем чуть позже.

Имя *Матрона* встречается как будто бы несколько чаще, нежели *Стефанида*, и фигурирует оно как в датированных, так и в недатированных текстах, но одного, строго определенного типа, а именно — в разнообразных вкладных записях, знаменующих церковные пожертвования, где первым и основным жертвователем назван Дмитрий Иванович. Обыкновенно эти записи, независимо от того, с каким объектом они связаны, являют собой своеобразные вариации одной и той же формулы, наиболее ярко представленной в Псалтири 1600 г. (ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 57), которая была отдана боярином Годуновым в Чудов монастырь. Приведем тот ее фрагмент, где названы имена вкладчиков: «...положил в дом архагелу Михаилу и чудотворцу Алексею в Чудов монастырь конюшей и боярин Дмитрей Иванович Годунов за свое здравие и за жену свою Матрону. А Богъ по душу сошлет, ино по своей душе и по жене своей Матроне и по своих детех и по своих родителех в вечный поминок» [Тихомиров, с. 572, № 102].

Весьма сходная формулировка есть и во вкладной записи на Псалтири, вложенной в 1594 г. в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁵, на рукописной Псалтири, отданной в 1602 г. в Троицкий Калязин монастырь (ГИМ. Музейское собр. № 4062); практически идентичный текст обнаруживается и в надписи на Евангелии 1605 г. из костромского Ипатьевского монастыря (Костромской Музей Заповедник, Евангелие 1605 г., инв. № 1521)¹⁶. Оклад последнего, помимо всего прочего, украшен несколькими дробницами, на одной из которых есть парное изображение св. Дмитрия Солунского, патрона Дмитрия Ивановича, и мученицы Матроны, очевидным образом, небесной покровительницы его жены¹⁷. Присутствовала интересующая нас формула и на плащанице 1604 г. «Положение Христа во гроб» [Костромской Ипатьевский монастырь, с. 73; Покровский, с. 20]. Еще один артефакт конца 90-х годов XVI в., связанный с мастерской Годуновых, — пелена «Крещение» — не имеет специальной надписи, но несет на себе подписанные изображения преподобной Матроны («прбно ма(т)рона») и Дмитрия Солунского [Маясова, 1984, с. 50–51; Маясова, 2004, с. 182–183, № 45]. Изображения св. Агриппины¹⁸, св. Матроны и Дмитрия Солунского есть и на дробницах золотого оклада иконы «Троица» Ипатьевского костромского монастыря, изготовленного по прямому заказу Дмитрия Годунова, при том, что на вкладной записи, сделанной на самом окладе, упоминается только сам Дмитрий Иванович и родители [Маясова, 2004, с. 179; Зюзева, с. 66–68].

¹⁴ Борис Годунов: От слуги до государя всея Руси. Каталог. М., 2015. С. 314–315, № 129 (автор кат. оп. А. Г. Кудрявцева).

¹⁵ «...конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ за свое здравіе и за жену свою Матрену, а Богъ по дѣло сошлетъ, ино по своей дѣше и по своихъ родителехъ на память вѣчную» [Шевырев, с. 48–49].

¹⁶ «...здѣлалъ сіе Евангеліе вдомѣ живоначальной Троицы выпатцкой монастырь конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ за свое здравіе и за свою жену Матрену, а Богъ по душу сошлетъ по своей душе и по своихъ родителѣхъ вѣчно благъ» [Костромской Ипатьевский монастырь, с. 81; Покровский, с. 24]; отличного качества фотографию надписи см. в издании: *Иоанн Павлихин*. Сокровища Костромы. С. 14. Ил. 48.

¹⁷ Фото лицевой стороны оклада см. в изд.: Борис Годунов. С. 305, № 125.

¹⁸ *Агриппиной* звали не только скончавшуюся 5 декабря 1588 г. супругу Дмитрия Ивановича, это же имя носила в иночестве его родная мать, которую в миру звали *Ксенией* (*Аксинией*) (Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминок в дом Живоначальные Троицы в Ыпацкий монастырь. 1738. Костромской музей-заповедник. Л. 12, 13 об.; *Соколов М. И.* Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. С. 45). Таким образом, нельзя сказать с уверенностью, представлена ли здесь небесная покровительница невестки или свекрови, или здесь попросту подразумевалась некая общность патроната. В целом, если речь идет не о духовных лицах, чаще предпочтение отдается святым тезкам по мирским именам, нежели по именам иноческим.

Две жены Дмитрия Годунова? Некоторые исследователи вовсе не обращали внимание на присутствие имени *Стефанида*, но те, кто констатировал наличие обоих антропонимов, *Стефанида* и *Матрона*, уверенно полагали, что речь идет о двух разных женах Дмитрия Ивановича, второй и третьей. Правда, конкретное устройство матримониальной жизни Годунова вызывало кардинальное разногласие. В свое время Н. А. Маясова предположила, что, лишившись Агриппины, Дмитрий Иванович сперва взял в жены Матрону, а потом, после ее кончины, женился на Стефаниде Андреевне [Маясова, 1984, с. 33–36, 51; Маясова, 2004, с. 64–65]. Е. В. Исаева, напротив, считает, что, похоронив Агриппину, Годунов сперва сочетался браком со Стефанидой, а под конец жизни, когда Стефаниды не стало, с Матроной, которая, по предположению исследовательницы, пережила своего мужа [Исаева, с. 262–263]¹⁹.

Соображения, подталкивающие к этому последнему решению, достаточно очевидны, ведь Дмитрий Иванович скончался в 1606 г., а в датируемых до года надписях, относящихся к XVII в., фигурирует именно Матрона. Однако в целом данная реконструкция, предполагающая раннюю кончину Стефаниды, никак не может быть признана верной. Жалованная подтвердительная грамота Михаила Федоровича недвусмысленно и подробно говорит о том, какие именно земельные угодья обладательница имени *Стефанида* унаследовала после кончины своего мужа в 1606 г.²⁰ и что, сделавшись *старицей Александрой*, Стефанида жила, здравствовала и сохраняла возможность распоряжаться мужниным наследством по крайней мере вплоть до самого конца 1621 г., а судя по свидетельству Кормовой книги Колязина монастыря, и еще семь лет спустя после этой даты.

С другой стороны, и версия Н. А. Маясовой (сначала брак с Матроной, а затем — со Стефанидой) также вызывает ряд существенных сомнений. В самом деле, если Матроны в XVII в. уже не было в живых (как утверждает исследовательница), а женат боярин был уже на Стефаниде, то почему во вкладных записях на Псалтирях этого времени упоминается сам Дмитрий Иванович и одна из его умерших жен, но ничего не говорится ни о покойной Агриппине, ни о живой Стефаниде? Почему Стефанида не упомянута в надписи на Евангелии 1605 г., хотя там есть Матрона? Почему мы находим на окладе этого Евангелия парное изображение святого патрона живого Дмитрия Ивановича и небесной покровительницы его будто бы умершей жены Матроны, но не видим никаких следов почитания св. Стефаниды, покровительницы здравствующей супруги? Почему на пелене с изображением Крещения, которая вышла, как полагает Н. А. Маясова, из мастерской Стефаниды Андреевны [Маясова, 2004, с. 182–183, № 45], мы вновь обнаруживаем изображения Дмитрия Солунского и преподобной Матроны, но не находим образа св. Стефаниды, тезки самой хозяйки мастерской?

Почему, наконец, при всем чрезвычайном богатстве вкладов семьи Дмитрия Ивановича мы вовсе не видим изображения св. Стефаниды не только на перечисленных выше предметах, но и на

¹⁹ Именно такой взгляд на семейную ситуацию Дмитрия Годунова возобладал в последние годы, отразившись, например, в многочисленных атрибуциях каталога 2015 г. (Борис Годунов) или в работе С. Г. Зюевой о золотом окладе иконы «Троица», изготовленном по заказу Дмитрия Ивановича [Зюева, с. 76, примеч. 27]. В свою очередь, противоположный взгляд, Н. А. Маясовой, определил многие атрибуции соответствующих произведений лицевого шитья в каталоге: [Маясова, 2004]. В работе С. Б. Веселовского [Веселовский, 1946, с. 89, прилож., № 26], на которую, вероятно, опиралась Н. А. Маясова, предложена следующая последовательность жен Дмитрия Ивановича: «первая жена Агриппина, в инокинях Александра. В 1581 г. присутствовала на свадьбе царя Ивана. Вторая жена Матрона умерла в 1588 г. Третья жена Стефанида Андреевна (с 1589 г.)». Здесь явно какая-то путаница, поскольку в этой же статье исследователь утверждает, что первая жена Годунова, Агриппина, скончалась в 1598 г. (см. выше, примеч. 8 в настоящей работе).

²⁰ Ср.: «...и мужа ее Дмитрея не стало, и во 114-м (1606) году те села и деревни и пустоши в записных вотчинных книгах записаны за вдовою за Стефанидою боярина за Дмитриевскою женою Ивановича Годунова» (АСЗ. Т. IV. С. 438–439, № 527).

каких-либо других²¹, тогда как на недостаток образов св. Матроны и св. Агриппины жаловаться отнюдь не приходится? Отчего, с другой стороны, отчество *Андреевна* часто употребляется рядом с именем *Стефанида*, но не с именем *Матрона*? Не странно ли, что Стефанида делает вклады только от себя самой, а Матрона — только вместе с мужем?

Все эти лакуны, вся странная чересполосица в употреблении имен, все намеки на некое функциональное распределение между ними окажутся совершенно объяснимыми и понятными, если мы допустим, что во всех этих случаях речь идет не о двух разных супругах Дмитрия Ивановича — неизвестной по отчеству Матроне и Стефаниде Андреевне — но об одной и той же жене, обладавшей в миру двумя христианскими именами, *Стефанида* и *Матрона*, которые используются попеременно, в зависимости от ситуации, типа текста и иных причин.

Ничего противоречащего этой гипотезе в приведенных выше текстах не обнаруживается. В самом деле, вопреки соображению, высказанному Н. А. Маясовой [Маясова, 1984, с. 53, примеч. 16], фраза из надписи на Евангелии 1605 г. «...за свое здравье и за свою жену Матрену, а Богъ по душу сошлетъ по своей душе и по своихъ родителѣхъ вѣчно благъ» не только не является аргументом в пользу того, что Матрона уже скончалась, но, напротив, свидетельствует о том, что она, как и ее муж, на момент составления текста была жива. Оба они фигурируют в конструкциях, вводимых предлогом «за», акцентирующих моление за здравное и противопоставленных конструкциям с предлогом «по», которые вводят тему моления за умерших. Еще нагляднее это противопоставление видно в приведенной выше записи на Псалтири из Чудова монастыря²², где вкладчик призывает сейчас творить молитву за себя и за жену Матрону, а на случай смерти — по себе и по жене Матроне²³.

Примеров же, когда одно и то же лицо в публичной жизни и в некоторых ситуациях жизни церковной называется одним из своих имен, а в каких-то церковных документах — другим, в нашем распоряжении более чем достаточно, причем распределение антропонимов бывает довольно разнообразным, сложным и причудливым. Так, внук уже упоминавшейся выше Марии/Евфимии Лыковой (которая и сама в разных документах фигурировала под разными именами), князь Иван/Сергей Татев, в записях Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря

²¹ Образ св. Стефаниды есть на более раннем объекте — плащанице, вышедшей из мастерской Агриппины Годуновой, там, где в числе прочих святых изображены небесные покровители родителей Бориса и Ирины Годуновых, св. Федор Тирон (по-видимому, патрон их отца, Федора Кривого) и мученица Стефанида, тезоименитая их матери Стефаниде Ивановне (в монастыре Спандулии) [Костромской Ипатьевский монастырь, с. 73–74; Маясова, 1984, с. 36]; ср.: [Покровский, с. 19]; Соколов М. И. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. С. 45.

²² «...болярин Дмитрий Иванович Годунов за свое здравие и за жену свою Матрону. А Богъ по душу сошлет, ино по своей душе и по жене своей Матроне и по своих детех и по своих родителех в вечный поминок» [Тихомиров, с. 572, № 102]. Сходным образом был устроен и текст на плащанице 1604 г. [Островский, с. 100–101, Е № 1].

²³ Вклады Дмитрия Ивановича нередко сопровождаются надписями иного типа, где умершие и живые друг другу никак не противопоставлены и не содержат вовсе никаких имен, кроме имен царских и имени самого вкладчика в инициальной части. Так устроены, в частности, надписи на водосвятных чашах и на многих произведениях лицевого шитья. Приведем здесь надписи на чашах, более раннюю и более позднюю: «Божиею милостию царь и великий князь Иванъ Васильевич, государь всея Руси. Даль сию чару выпадкой монастырь бояринъ Дмитрий Ивановичъ Годуновъ по себѣ и по своей женѣ и по своихъ родителѣхъ ввѣчный поминокъ» [Макарий, с. 237; Костромской Ипатьевский монастырь, с. 62]; «Лѣта 73рб (1594), при государѣ царѣ и великомъ князе Ѳеодоре Ивановиче всея Руси и при его благовѣрной царице и великой княгине Иринѣ, даль сию чару на святую воду въ домъ живоначальные Троицы выпадкой монастырь боляринъ Дмитрий Ивановичъ Годуновъ по отце своемъ и по матери и по себѣ и по своихъ женахъ и по детѣхъ и по всехъ родителѣхъ своихъ ввѣчный поминокъ» ([Макарий, с. 233–234; Костромской Ипатьевский монастырь, с. 62]; ср.: [Покровский, ил. V; Маясова, 1984, с. 53]). Единственное заключение, которое можно вывести из этих текстов, состоит в том, что к 1594 г. Дмитрий Иванович уже был женат по меньшей мере дважды, что, впрочем, ничуть не мешает тому обстоятельству, что в надписях этого и более позднего времени может фигурировать упоминание лишь одной жены. Отсутствие личных женских имен в процитированных текстах не дает возможности для более конкретного их соотношения с представительницами семьи Годунова.

появляется то как *Иван*, то как *Сергей*²⁴. Сходным образом, под разными именами упоминается, например, и мать Ивана Андреевича Хворостинина, Гликерия/Елена²⁵ (об этих двух эпизодах см. подробнее: [Литвина, Успенский, 2018б, с. 248–249, 263–264]).

Почти столь же обильно и разнообразно, как имена *Стефанида* и *Матрона*, представлены в источниках два мирских христианских имени последней жены боярина Федора Ивановича Мстиславского, Ирины/Домники, скончавшейся в 1630 г.²⁶ В перечислении вкладов на помин души, которые ее муж делает незадолго до своей кончины, она именуется княгиней *Домникой* (*Домникеей*) [Мятлев, с. 315]. Несколько позже, уже будучи вдовой, в Дворцовых разрядах она будет именоваться *Ириной Михайловной*²⁷. Как *Ирина* она дает денежные вклады по матери и по мужу в различные монастыри²⁸, однако в надписи на пелене «Богоматерь Одигитрия», которую княгиня по обету вкладывает в 1630 г. в московский Вознесенский монастырь, она показана как «боярина кнѣзѣ Федора Ивановича Мстисла(в)ско(г) кнѣгини До(м)ника М и х а (и) л о (в) н а» [Маясова, 2004, с. 270, № 88]. В ту же пору она пишет завещание, называя себя княгиней *Ириной Михайловной*²⁹, на надгробной же плите ее будет стоять имя *Домника*³⁰.

Число примеров подобного рода попеременного использования двух христианских имен одного лица может быть многократно умножено. Распределение же функций между ними было устроено довольно сложно и в каждом конкретном случае его трудно предсказать наперед. Очевидно, что при дворе, например, и в бытовом обиходе носитель светской христианской двуименности чаще всего пользовался своим публичным именем, причащаться же и исповедоваться он должен был под именем крестильным. Очень редко нарушалось правило, согласно которому по имени крестильному ему выбирали имя иноческое. Что же касается всего остального, то здесь мы имеем дело лишь с некоторыми тенденциями и предпочтениями, а отнюдь не с твердыми закономерностями.

Так, чаще (но вовсе не обязательно) с отчеством употребляется публичное, а не крестильное имя. Завещание, как правило (но опять-таки — не всегда), открывается именем крестильным. Когда человек делает вклад по другим людям, он склонен скорее употреблять свое публичное имя, а вот для самого поминаемого вероятнее на первый план будет вынесено имя крестильное или связанная с этим именем дата, однако и здесь распределение антропонимов может оказаться

²⁴ «Того же 138-го (1630) году апреля в 26 день по князе Федоре Борисовиче Татеве дали вкладу дядя ево боярин князь Борис Михайлович Лыков да брат ево князь Иван Борисович Татев денег 100 рублей да 7 коней...» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 77. Л. 267); «138-го (1630) году княгиня ж Марья Михайловна дала вкладу по детех своих по князе Сергее Борисовиче вотчину его в Стародубе Ряполовском сельцо Павловское з деревнями и с пустошми 2116 чети» (Там же).

²⁵ «Лѣта 7049 (1541) ... Дала в домъ Пречистые Богородицы и великихъ стратотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба князя Ондрѣева княгини Ивановича Хворостинина княгини Глѣбъ Васильевна, да сынъ еѣ князь Иванъ Ондрѣевичъ по отцѣ своемъ по князе Ондрѣе Ивановиче...» (Титов А. А. Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 9); «Марта въ 10 день, кормь кормити по князь Андреевъ Ивановича Хворостинина княгинѣ Еленѣ, во инокиняхъ Галаси и, до по сынѣ ея по князь Иванѣ Андреевичѣ, во иноцѣхъ Ионе...» (Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. С. 27).

²⁶ О том, что княгиня Мстиславская (урожденная Темкина-Ростовская) в своей мирской жизни носила оба этих имени, вскользь упоминал еще Д. Ф. Кобеко [Кобеко, с. 378]. Опубликованные с тех пор новые данные (вкупе со сведениями, хорошо известными и прежде) не оставляют в этом ни малейших сомнений.

²⁷ Дворцовые разряды, высочайшим повелением изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1850. Т. I. С. 789; СПб., 1851. Т. II. С. 97, 116, 122, 136, 138.

²⁸ [Алексеев, 2006, с. 33]; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 113. Л. 408.

²⁹ Шереметев С. Д. Пять актов XVII-го века // Памятники древней письменности. СПб., 1880. Вып. I. С. 133, № III.

³⁰ Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е, вновь испр. М., 1791. Ч. XIX. С. 386, № 18.

иным. Заказчик патронального изображения скорее всего отдаст предпочтение святому тезке по крестильному имени, однако рядом с ним может появиться и изображение святого тезки по имени публичному³¹, подобно тому как два этих именованья одного лица могут сойтись в одном тексте³².

Существенно, однако, что разительное сходство в употреблении имен *Матрона* и *Стефанида* со всеми упомянутыми характерными проявлениями и вариациями традиции светской христианской двуименности не является главным аргументом в пользу того, что и Стефанида Андреевна Годунова, подобно многим своим современникам, была в миру обладательницей двух христианских имен и звалась не только *Стефанида*, но и *Матрона*, или, если угодно, не только *Матрона*, но и *Стефанида*. Счастливым образом, до нас дошли два не связанных между собой источника, непосредственно относящихся к самой Стефаниде Годуновой, показания которых недвусмысленно свидетельствуют о том, что она и Матрона Годунова — это одно и то же лицо.

Когда поминали Стефаниду Андреевну Годунову? Тексты, о которых пойдет речь ниже, не что иное, как записи о вкладыях и кормах по Стефаниде, одна из которых сделана, по всей видимости, при ее жизни, тогда как другая, со всей очевидностью, после ее кончины. Предписания о заздравных кормах и поминании — едва ли не самый ценный источник для создания антропонимического досье того или иного лица, жившего в XVI—XVII столетиях. Именно здесь зачастую в максимальной полноте представлены данные не только о дне кончины поминаемого, но и о его именах и именинах, о всех его небесных тезках и покровителях. Сведения эти нередко оформляются в виде сочетания имен и дат празднования тому или иному святому, связанному с личностью усопшего (ср.: [Литвина, Успенский, 2018a]).

Своеобразный узор имен и календарных дат накладывался на достаточно строгую канву традиции поминания — давать корма по покойному принято было прежде всего на день его преставления и/или на его именины, день памяти тезоименитого ему святого. Если у человека было не одно, а два мирских христианских имени, то в большинстве случаев корм устраивали на память патронального святого по имени крестильному³³. Лишь иногда (обыкновенно, если

³¹ Из множества примеров подобного рода упомянем лишь два — случай Федора/Епифания Телятевского и Дмитрия/Космы Пожарского. Первый дарит в Кирилло-Белозерский монастырь драгоценный образ св. Епифания Кипрского [Шаблова, с. 378, примеч. 278], а после смерти Телятевского в 1645 г. на его пожертвования здесь возводит больничная церковь, посвященная этому святому. Другой же, знаменитый Дмитрий/Косма Пожарский, в числе прочих вкладов в монастырь Макария Желтоводского дает икону, на лицевой стороне которой изображен св. Дмитрий Солунский, а на оборотной — св. Косма Бессеребряник [Эскин, с. 144]. Двуименность того и другого надежно зафиксирована в письменных источниках.

³² Ср. еще одно упоминание князя Татеева, о котором мы говорили выше (примеч. 24), где оба его имени фигурируют рядом: «138-го (1630) году июня в 5 день дала вкладу княгиня Марья Михайловна Татеева по сыне своем князе Сергие, прозвище Иване, Борисовиче Татеев армак бур лыс десяти лет...» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 77. Л. 267).

³³ Приведем здесь пару поминальных записей, связанных с женщинами, обладательницами двух христианских имен в миру, где их поминание со всей определенностью соотносится с днем празднования их небесной тезки по крестильному имени. Так, в синодике Новодевичьего монастыря имеется запись о поминании Елены, дочери князя Михаила Кубенского, причем поминать ее следует по крестильному имени — 13 мая, на память мученицы Гликерии (Павлов-Сильванский В. Б. Источники по социально-экономической истории России XVI—XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Корещкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 196. Л. 304; ср.: Там же. С. 199. Л. 322). Это имя мы находим в надписи на крышке ее саркофага первой половины XVI в.: «кня* Михайлова до^и Кубе^иско^и Гликѣ^иа Петрова жена Васи^иеви^и Морозова» [Гиршберг, с. 47, № 102] (за сведения о Елене/Гликерии Кубенской-Морозовой авторы сердечно благодарят С. Ю. Шокарева). Княгиню Варвару Шелешпальскую по той же самой причине следовало поминать на св. Кикилию и на день преставления: «Лета 7104-го (1596) году месяца апреля в 28 день на память святых апостол Нассона и Сосипатра, преставися раба Божия, княже Иоанова княгини Васильевича Шелешпальскаго, а княже Иоанова дочи Семеновича Козловсково, княгини Варвара Иоановна, а молитвенное имя княгини Киликея. А память по княгине Варваре назавтрее Введение дни пресвятыя Богородици, месяца ноября в 22 день, на память святых великомученицы Киликеи. А положено бысть тело ея в своей отчине оу Всех святых под церковью. И в те дни по ней память творити неотложно, обедня и понахида служити и священников, и крылос, и монастырь кормитити» (Васильев Ю. С., Грязнов А. Л. Синодик князей Шелешпальских // Белозерье: Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 126. Л. 73 об.—74).

покойный был очень знатен и богат) мог устраиваться еще один, дополнительный корм — на день памяти святого, тезоименитого скончавшемуся по некрестильному, публичному имени³⁴. Как правило же, повторимся, дело ограничивалось одним или двумя кормлениями: на тот праздник, по которому человеку в свое время дали крестильное имя, и на тот, когда ему довелось перейти в жизнь вечную.

Каким же образом имена кодировались в датах, а даты — в именах? Одна и та же информация могла передаваться с различной степенью пространности. В качестве иллюстрации, так сказать, минималистического варианта приведем запись, относящуюся к близкому родственнику Дмитрия Ивановича, Григорию Васильевичу Годунову. В Кормовой книге ярославского Спасского монастыря его предписывалось поминать следующим образом: «Того же дни (28 сентября) кормь кормити по Григорьѣ Васильевичѣ Годуновѣ, во иноцѣхъ Христофорѣ»³⁵. 28 сентября церковь отмечает память св. Харитона Исповедника. Хорошо известно, что *Харитон* и было крестильным именем Григория Васильевича³⁶. Обратим внимание, что в этой записи, как и во множестве ей подобных, это крестильное имя не названо напрямую, как не названо имя святого — и то, и другое как бы воплощено в самом указании даты поминального корма³⁷.

На какие же даты полагалось поминать Стефаниду Андреевну Годунову? И прижизненная, и посмертная записи совершенно единодушны в этом отношении — в записи прижизненной указано 9 ноября, тогда как в записи посмертной — 9 же ноября и 31 июля, день ее кончины. Напомним, что Стефанида стала монахиней Новодевичьего монастыря с именем *Александра*, поэтому свидетельство из Вкладной книги этой обители для нас представляет особенную ценность: «9 [ноября] Святых мученик Анисифора и Порфирия Память иноке схимнице Александре Дмитриеве жене Годунове, вкладу дано 100 рублей, да 70 рублей колокол да пятеры ризы»³⁸; «31 [июля] Предпразднество происхождению честнаго и животворящего креста господня и святаго праведнаго Евдокима Преставление инокине схимнице Александре Дмитриеве жене Годунова, вкладу 100 рублей. Да по ней же колокол 70 рублей, ризы, да стихарь, да крест золот с камением и с мощми 50 рублей, да другие ризы да стихарь»³⁹.

Не менее важна и информация, содержащаяся во Вкладной книге костромского Ипатьевского монастыря. Здесь мы обнаруживаем имя *Стефанида* и все ту же дату — 9 ноября. Замечательно, что речь в ней идет о заздравном корме и составлена она до пострига Годуновой, в ту пору, когда ее муж был жив (в 1589 г.): «А за ту дачу <...> молити Бога о здравии о Димитрии, о Стефаниде да два корма заздравных кормить ежегодно безпереводно. Первый корм

³⁴ Так, оба христианских имени, крестильное и некрестильное, учитываются при поминании членов великокняжеских и царских семей. Василия/Гавриила, отца Ивана Грозного, могли поминать как на св. Василия Анкирского, так и на Собор архангела Гавриила; царицу Агафью Грушецкую, первую жену Федора Алексеевича, которая в отдельных источниках именуется *Евфимией*, поминали как на св. Агафью Катанскую (5 февраля), так и на мученицу Евфимию Халкидонскую (11 июля) [Литвина, Успенский, 2018в]; при этом для всех этих лиц поминальный корм, разумеется, устраивался и на день их преставления. Аналогичное троекратное поминание хотя и изредка, но имело место и за пределами династии — к примеру, Бориса/Емельяна Михайловича Лыкова могли поминать не только 18 июля, на св. Емельяна, но и 24 июля, на память Бориса и Глеба.

³⁵ *Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. III. С. 19.

³⁶ Ср.: «Въ 28 день [сентября]. Пам. Государеву боярину и дворецкому, Григорию Васильевичу Годунову, а имя ему Харитонъ, во ин. Христофоръ» [Апухтин, с. 10].

³⁷ Здесь возможны варианты с самой разной степенью детализации. Так, запись из ярославского Толгского монастыря расширяет указание даты упоминанием имени небесного патрона Годунова по крестильному имени, но прямое указание на то, что Григорий Васильевич был *Харитоном*, и здесь оказывается избыточным: «Дал вкладу Григорей Васильевич Годунов, во иноцех Христофор, в вечной поминок, 600 пуд соли астороханские бузуну, а пети по нем понахида сентября в 28 день, и кормна память преподобнаго отца нашего Харитона, а другая пети по нем понахида на преставление его, месяца» [Козляков, с. 17].

³⁸ *Павлов-Сильванский В. Б.* Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. С. 173. Л. 106.

³⁹ Там же. С. 206. Л. 387. Можно было бы вообразить, что в этих двух записях из Вкладной книги речь идет о другой жене Дмитрия Годунова, Агриппине, которая, напомним, в иночестве также была *Александрой*. Однако мы точно знаем дату преставления Агриппины (Александры), и это отнюдь не 31 июля, а 5 декабря (см. примеч. 9). Кроме того, о связях Агриппины с Новодевичьим монастырем решительно ничего не известно, тогда как Стефанида (Александра) не только жила там, но, скорее всего, там и была погребена.

октября в 26 день на память святого великомученика Дмитрия Селунского, другой корм на Стефанидию на память ноября в 9 день»⁴⁰.

Какой же святой совершается празднование в этот день?

В русских месяцесловах под 9 ноября мы не увидим ни св. Стефаниды, ни кого-либо из святых с именем *Александра*, но зато в качестве основного празднования этого дня в подавляющем большинстве православных церковных календарей того времени присутствует память преподобной Матроны Цареградской.

Разумеется, такое совпадение дат заздравного и поминального вкладов, записанных в совершенно разных монастырских источниках и в совершенно разное время, не может быть случайным. В свете общей картины употребления имен *Матрона* и *Стефанида* этому нельзя найти иного объяснения кроме того, что перед нами два мирских христианских имени одного и того же лица — *Матроной* она была наречена в честь св. Матроны Цареградской, а *Стефанидой* — в честь св. Стефаниды Дамасской, причем вероятнее всего имя *Матрона* было получено ею при крещении. Помимо всего прочего, имеющиеся в нашем распоряжении документы задают совершенно ясные хронологические рамки брака Дмитрия Ивановича Годунова: согласно Вкладной книге Ипатьевского монастыря, в 1589 г., то есть так скоро, как только возможно, после смерти Агриппины (5 декабря 1588 г.), Дмитрий Иванович уже женат на Стефаниде, а согласно царской жалованной грамоте 1621 г., через полтора десятка лет после смерти мужа, Стефанида еще распоряжается его наследством, а в 1628 г. она жива и дает вклад в Колязин монастырь под именем старицы Александры, и лишь около 1631/1632 г. ее владения переходят Матвею Михайловичу Годунову. Таким образом, для обладательницы имени *Матрона* в матримониальной жизни Годунова не остается решительно никакого места, если только ею не была сама Стефанида Андреевна.

Стефанида и *Матрона* в общем контексте светской христианской двуименности XV—XVII в. и в семье Годуновых. Внешние, наглядные проявления благочестия в семье Дмитрия Ивановича как нельзя лучше вписываются в русскую традицию почитания тезоименитых святых. Так, в частности, когда бы ни появилось изображение преподобной Матроны рядом с изображением Дмитрия Солунского в годуновских вкладах (на пелене, на окладе Евангелия), совершенно очевидно, что здесь манифестируется почитание патронального святого по крестильному имени как одноименного Дмитрия Ивановича, так и двуименной Стефаниды Андреевны. Встает на место и весь ритм поминовений по членам этой семьи: Агриппину, помимо дня кончины, поминают на св. Агриппину Римскую (23 июня), Дмитрия — на Дмитрия Солунского (26 октября), а Стефаниду — на Матрону Цареградскую (9 ноября). Именно так обычно и выглядит практика поминовения в тех семьях, где большинство родственников обладают только одним христианским именем в миру, а лишь некоторые — двумя. В данной Ивана Цыплятева, к примеру, его отца Елеазара предписывается помянуть «августа в 1 день, на память Седми Маковей и учителя их Елиозара», мать по имени *Мария* помянуть следует 22 июля, «на память святых и равноапостольных Марии Магдалины», Пелагею, жену Ивана Цыплятева, поминали «октября в 8 день, на память святые преподобные матери нашей Пелагеи», но при этом «меня Ивана» — единственного двуименного — на 15 декабря, «на память святого священномученика Елеуферья»⁴¹.

⁴⁰ Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминонок в дом Живоначальные Троицы в Ыпацкий монастырь. Л. 10–10 об.; [Исаева, с. 263].

⁴¹ Кистерев С. Н. Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. IX. С. 178, № 69; ср.: [Литвина, Успенский, 2018а]. Ср. также прижизненную вкладную запись Анны Пачковской, где она не называет своего второго мирского имени *Мария*, но просит помянуть ее в соответствующий день, на Марию Магдалину, и получает в иночестве имя *Марфа*, которое особенно часто избиралось для обладательниц крестильного имени *Мария*: «Дала вкладу Анна Михайлова дочи Микулаевская жена Пачковского ржи 65 четвертей, да три крест(ы) серебряны, позолочены, да летник, камка голуба, да три коровы, пети по ней понахида большая июля в 22 день на память святых и равно апостольных Марии Магдалины. А имя ей инок (иня) Марфа, а другая понахида пети на преставление ея марта в 17 день на память преподобнаго отца нашего Алексея человека Божия» [Козляков, с. 18].

С другой стороны, указания о поминании жены Дмитрия Годунова из Вкладной книги Новодевичьего монастыря весьма похожи на прочие случаи поминания иноков и инокинь, которые в мирской жизни обладали двумя христианскими именами. Так, в Данной думного дворянина Василия Сукина указано только иноческое имя отца, *Кирилл*, и дата поминания, ни к кому из свв. Кириллов отношения не имеющая, но связанная с одним из свв. Каллиников: «... дал вкладу в дом Пречистые Богородицы в вечный сей благ государев думной дворянин Василей Борисович Сукин по своих родителей, по отце своем иноке Кириле, да по матери Ульяне... И за ту его дачю на молебнях о его, Васильеве, и сына его Ивана здравье Бога молить и родители их имяна написати в сенадики и в кормовыя книги, и кормы по них устроить... июля в 29 день на память святого мученика Калинника...»⁴². Между тем, из других документов достоверно известно, что отец Василия Сукина носил в миру имена *Борис* и *Каллиник*⁴³.

Не стоит удивляться и тому, что во Вкладной книге Новодевичьего монастыря рядом с датой 9 ноября приведено не имя преподобной Матроны, но имена других святых, мучеников Онисифора и Порфирия, чья память отмечалась в тот же самый день, — подобная «косвенная» характеристика даты также нередко встречается в монастырских документах, тем более что в конкретных месяцесловах мужские имена обыкновенно предшествуют женским.

С другой стороны, интересующее нас сочетание *Матрона* и *Стефанида* прекрасно соответствует общей практике подбора двух христианских имен на Руси, особенно при том, что мы знаем, какая именно из свв. Матрон (*Матрона Цареградская*) является в данном случае личной патрональной святой. Собственно говоря, *Стефанида* Годунова была не единственной обладательницей этой антропонимической пары — такие же имена носила, например, *Стефанида/Матрона Яковлевна Хвостова* (урожденная Путилова), причем и у нее имя *Матрона* было, судя по всему, крестильным, а *Стефанида* — публичным⁴⁴. Удобство этого сочетания заключается в том, что разрыв между празднованием св. Матроне Цареградской (9 ноября) и св. Стефаниде Дамасской (11 ноября), единственной святой с таким именем в месяцеслове, очень невелик. Обыкновенно же на Руси два христианских имени давались по следующей модели: одно выпадало человеку по дню рождения, тогда как другое, более подходящее по семейным соображениям, подбиралось в близких календарных окрестностях этой даты.

Эта тенденция к календарной связности двух имен была очень сильна, ее нетрудно продемонстрировать на примере тех имянаречений, которые в иной связи уже обсуждались выше. Так, у Бориса/Емелиана Лыкова память одного из небесных покровителей приходится на 24 июля, а память другого — на 18 июля, у Бориса/Каллиника Сукина — на 24 и на 29 июля соответственно, корм по Ивану/Сергею Татеву давался на память св. Сергия Радонежского (25 сентября), а 26 сентября отмечается память св. Иоанна Богослова. Если обратиться к женским персонажам, фигурировавшим в нашей работе, то нельзя не вспомнить, что праздник св. Евфимии, по которому была крещена Мария/Евфимия Лыкова, совершается 11 июля, а на 22 июля выпадает празднование Марии Магдалине. В свою очередь, память св. Кикилии, одной из патрональных святых княгини Варвары/Кикилии Шелешпальской, празднуется 22 ноября,

⁴² АСЗ. М., 2002. Т. III. С. 341, № 416.

⁴³ «Борис Иванович Сукин в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу, и игумену Афонасию з братиею, или кто по нем иной игумен будет, вкладу дал 50 рублев. И доколе Борис жив, ино за него молити Бога и поминати во октениах на молебнех, Б о р и с о в о и м я К а л и н и к . А Бог пошлет по душу Борисову, ино его написати во вседневной сенаник и в вечной без выгладки» [Алексеев, 2010, с. 38, л. 44 об–45].

⁴⁴ Ср. грамоту 1573 г., составленную от лица «Ивановой жены Никитина сына Хвостова, Матрены, а прозвище Стефанды, Яковлевы дочери Путилова» и ее дочери Мавры по приказу мужа Ивана (*Шумаков* С. А. Обзор «Грамот Коллегии Экономии». М., 2002. Вып. V: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде / Сост. Л. И. Шохин. С. 39–40, № 90). Известна и Данная ее зятя, дочери и внука (Алексея Телятева с женой Маврой Хвостовой и сыном Агапитом) от 1585 г.: «...по тесте своем по Иване по Никитине сыне Хвостове, да по теще своей по Матрене, а прозвище по Стефаниде по Яковлеве дочери Путилова» (Там же. С. 48, № 125).

тогда как память св. Варвары — 4 декабря. Наконец, память св. Гликерии Траянопольской приходится на 13 мая, а царицы Елены — на 21 мая, а именно в их честь были наречены, например, княгини Гликерия/Елена Васильевна Хворостинина (в монашестве Геласея), Елена/Гликерия Ивановна Куракина (урожденная Туренина) и Елена/Гликерия Михайловна Морозова (урожденная княжна Кубенская). Таким образом, имя *Стефанида* в русле подобной практики как нельзя лучше подходило к крестильному *Матрона*.

Весьма интересно при этом, получила ли наша Матрона свое второе имя *Стефанида* в детстве, в родительской семье, или оно дано было ей при вступлении в брак. Дело в том, что *Стефанидой* звали в миру родную мать Ирины и Бориса Годуновых, невестку Дмитрия Ивановича. Можно было бы допустить, что, вводя в свою семью новую жену в ту пору, когда Ирина уже была царицей, Дмитрий Иванович мог захотеть дать ей это имя, столь значимое для семьи и подчеркивающее ее особый статус при царском дворе. Однако никаких определенных известий о том, что Годунова получила еще одно имя лишь с замужеством, в нашем распоряжении нет. Более того, мы знаем, что такая практика наречением новым именем существовала при вступлении в брак с царями и их непосредственными наследниками — кроме уже обсуждавшихся случаев Марии/Анастасии Хлоповой и Екатерины/Марии Буйносовой-Ростовской уместно вспомнить переименование иностранок Зои/Софьи Палеолог и Марины/Марии Мнишек, а также более гипотетичный казус Феодосии/Пелагеи Соловой, одной из снох Ивана Грозного⁴⁵. Однако присутствие такого обычая у придворных и знати мы можем только подозревать, в распоряжении исследователей пока нет прямых указаний на факты смены имени при замужестве за пределами династии.

Так или иначе, публичное имя Матроны, *Стефанида*, очень хорошо подходило тому большому клану Годуновых, в который она вошла, символически оно еще больше сближало ее с царственными племянниками, практически участвовать в воспитании которых она, естественным образом, «не успевала»⁴⁶.

Итак, ответ на вопрос о том, было ли у насельницы Новодевичьего монастыря, инокини Александры, в миру Стефаниды, жены Дмитрия Ивановича Годунова, еще одно светское христианское имя, мы можем дать достаточно уверенно — она звалась не только *Стефанидой*, но и *Матроной*, причем вероятнее всего именно *Матрона* было ее крестильным именем. Однако, как мы оговорили сразу, такой ответ ничуть не делает ее монашеское имянаречение менее раритетным и менее значимым. Имя *Александра* никак не коррелирует ни с именем *Матрона*, ни с именем *Стефанида*, и соответственно не укладывается в русло доминирующей традиции перемены имени при постриге. Это дает нам основание с еще большей уверенностью утверждать, что столь нетривиальный выбор был сделан в память о другой знаменитой постриженице Новодевичьего монастыря, царице-иноке Ирине (Александре).

Какие бы то ни было династические чаяния Годуновых потерпели крах, самый род их угасал, никакой надежды на будущее это монашеское наречение нести в себе не могло — этот акт выбора имени скорее следует расценивать как дань величественному семейному прошлому.

⁴⁵ Весьма характерно, что в случае женитьбы русского государя на иностранке речь и в самом деле шла о смене имени [Успенский, с. 193–194, примеч. 8] — прежнее именование на новой ее родине попросту упразднилось. Что же касается русских жен, то здесь имеет смысл скорее говорить о появлении еще одного христианского имени, прежнее именование при этом никуда не девалось. Поэтому-то в таких ситуациях весьма нелегко отличить обыкновенную христианскую двуименность от двуименности, создаваемой лишь в замужестве. Мы знаем, например, что у снохи Грозного, второй жены Ивана Ивановича, было два имени, *Пелагея* и *Феодосия*, причем *Пелагея* явно было именем крестильным, поскольку в монашестве она стала *Параскевой*. Можно предположить, что имя *Феодосия* она получила при замужестве [Успенский, Успенский, с. 110, § VI-1], однако уверенности в этом у нас нет — подобно многим своим современницам, она могла носить оба этих имени с детства.

⁴⁶ Разумеется, если речь идет о последней жене царского дяди Дмитрия Ивановича, то во всяческом перенесении на нее «материнских» функций преобладала символическая составляющая — в действительности Стефанида Андреевна могла быть много моложе своих царственных племянников.

Литература

- Алексеев А. И. Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
- Алексеев А. И. Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117.
- Апухтин В. Р. Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: Краткий исторический очерк. М., 1914. (Историко-родословное общество в Москве.)
- Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения // Исторические записки. 1946. Вып. XVIII. С. 56–91.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмоскovie XIV–XVI вв. Ч. I: Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Вып. I. С. 3–77.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. (= И. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. II). 3-е изд. с дополнениями. М., 1901. (Репринт: М., 2001.)
- Зюзева С. Г. Золотой оклад иконы «Троица» конца XVI века: Иконографические и стилистические особенности лицевых изображений // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 2016. Вып. XXVII. С. 64–80.
- Исаева Е. В. «Годуновская» Псалтирь 1591 г.: К вопросу о создании и бытовании памятника // Православные святые Московского Кремля в истории и культуре России: К 200-летию Музеев Московского Кремля. М., 2006. С. 260–269.
- Кобеко Д. Ф. К родословию Шереметевых // ЖМНП. 1901. Ч. CCCXXXVII: Октябрь. С. 373–396.
- Козляков В. Н. Толгский монастырь XVII века и его вкладчики // Ярославская старина: Из архива русской провинции. Ярославль, 1992. С. 14–22.
- Костромской Ипатьевский монастырь / Изд. редакции Костромских Епархиальных ведомостей. Кострома, 1913.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.) // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 387–396. [Литвина, Успенский, 2018а]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. XIII. С. 241–280. [Литвина, Успенский, 2018б]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Об именах царицы Агафьи Симеоновны Грушецкой // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018. С. 430–444 [Литвина, Успенский, 2018в]
- Макарий, архимандрит. Вклады Годуновых в Ипатьевском монастыре // Известия императорского Археологического общества. 1861. Т. III. С. 231–237.
- Маясова Н. А. «Светлицы» в доме боярина Дмитрия Ивановича Годунова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века: Материалы и исследования. М., 1984. С. 32–56.
- Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье: Каталог. М., 2004.
- Мятлев Н. К родословию князей Мстиславских // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 300–317.
- Островский П. Историко-статистическое описание костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870.
- Павлов А. П. Судьба землевладения рода Годуновых после Смуты // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: Альманах. СПб., 2016. Вып. V: К 80-летию Игоря Яковлевича Фроянова. С. 433–446.
- Покровский Н. В. Памятники церковной старины в Костроме. СПб., 1909.
- Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы / Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2013.
- Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.

Шаблова Т. И. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой. СПб., 2012.

Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева. М., 1850. Часть вторая.

Эскин Ю. М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143–157.

Anna F. Litvina

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia*

THE RELATIONSHIP TO THE RULING HOUSE, AS REFLECTED IN FEMALE PERSONAL NAMES (THE EARLY ROMANOV'S AND DMITRY GODUNOV'S FAMILY)

The paper demonstrates how in the 16th – the first half of the 17th century the choice of a name for a woman could reflect the connection of her family with the ruling dynasty in the past and present. Involvement in power could be embodied not only in the way the girl was named at birth, but also in changing her name in marriage and/or in monastic tonsure. Particular attention is paid to the family situation of Dmitry Ivanovich Godunov, the uncle of Tsarina Irina and Tsar Boris, one of the most influential people of that time. The family of Dmitriy Ivanovich is known, in particular, for the richest donations of specimens of artistic sewing, and it is traditionally assumed that his wives supervised the workshops where these precious objects were made. However, the ideas about the matrimonial life of Dmitry Godunov were still very intricate and controversial, and, accordingly, the reliable attribution of artifacts that left his house was impossible. This work is designed to fill this gap.

Keywords: name-giving in pre-Petrine Russia, saints' cult, changing of a name in monastic tonsure, Dmitry Godunov's family, commemoration, dual naming of lay Christians